

Крыжко Евгений Владимирович

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПАКИСТАНА В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1999-2008 ГГ.

Статья посвящена изучению процесса трансформации приоритетных направлений в политике Пакистана в отношении государств Центральной Азии, которая происходила в 1999-2008 гг. под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. В результате исследования были определены приоритеты в региональной политике Пакистана в указанный период, а также выделены основные условия формирования внешнеполитического курса Пакистана в отношении государств Центральной Азии. Первое место в центральноазиатском направлении политики Пакистана в период с 1999 г. по 2008 г. стали занимать Туркменистан и Казахстан. Узбекистан, наряду с Таджикистаном и Кыргызстаном, занял место "второго эшелона" во внешнеполитической стратегии Пакистана.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 86-89. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

12. Макаренко В. П. Русская власть и бюрократическое государство [Электронный ресурс]. URL: http://polittheory.narod.ru/Makarenko/Russian_Power_1.pdf (дата обращения: 21.03.2016).
13. Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956. 690 с.
14. Маркс К. Статьи в «Рейнской газете». Дебаты шестого Рейнского Ландтага (статья третья) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50-ти т. Изд-е 2-е. Т. 1. С. 119-160.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. М., 1955. Т. 3. С. 7-132.
16. Меньшиков С. Советская экономика: катастрофа или катарсис? М.: Интер-Версо, 1990. 400 с.
17. Научный макет новой Конституции России. Для научной дискуссии и обсуждения. М.: Научный эксперт, 2011. 456 с.
18. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 2003. № 40. Ст. 3822.
19. Папченко М., Прокопенко А. Правительство готовится к масштабной реформе системы управления // Ведомости. 2016. 16 марта.
20. Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 448 с.
21. Ряховская А. Исходя из коллективных потребностей. Роль экономического фактора в формировании муниципальных образований // Муниципальная власть. 2001. № 6. С. 17-19.
22. Сорокина З. Региональная политика в Великобритании // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 6. С. 136-139.
23. Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012. 352 с.
24. Чиркин В. Е. Российская Конституция и публичная власть народа // Государство и право. 2008. № 12. С. 24-34.
25. Юровицкий О. Потребность // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4.

SOCIAL INTEREST AND PUBLIC FACTOR OF MODERN RUSSIA DEVELOPMENT

Kolesnikov Vyacheslav Aleksandrovich, Doctor in Political Sciences, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Volgograd
kolesnikov-vags@mail.ru

The article gives a characteristic to the peculiarities of social interest taking into account the activity principle; type diversity based on the “sphere approach” and the subjects of considering interests in the society is emphasized. The dominant of state interests in correlation with public interests in the conditions of the authoritarian regime is singled out. The objectivity of the influence of public interests on the consistent functioning of civil institutions is substantiated. The necessity of deepening democratic transformations and consolidating the law-governed state on the basis of a new agreement between the authorities and the society in modern Russia is argued in order to strengthen the factor of public interests.

Key words and phrases: social interest; activity principle; state interest; public interests; civil society; democratic development.

УДК 327

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению процесса трансформации приоритетных направлений в политике Пакистана в отношении государств Центральной Азии, которая происходила в 1999-2008 гг. под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. В результате исследования были определены приоритеты в региональной политике Пакистана в указанный период, а также выделены основные условия формирования внешнеполитического курса Пакистана в отношении государств Центральной Азии. Первое место в центральноазиатском направлении политики Пакистана в период с 1999 г. по 2008 г. стали занимать Туркменистан и Казахстан. Узбекистан, наряду с Таджикистаном и Кыргызстаном, занял место «второго эшелона» во внешнеполитической стратегии Пакистана.

Ключевые слова и фразы: Пакистан; Центральная Азия; США; КНР; РФ; внешняя политика.

Крыжко Евгений Владимирович, к.и.н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
jeyson1030@gmail.com

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПАКИСТАНА В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1999-2008 ГГ.

Направленность развития ситуации в каждом из государств Центральной Азии и в регионе в целом во многом определяет перспективу баланса сил в Евразии. Мировое значение имеет сосредоточение в регионе углеводородных ресурсов. В Центральной Азии пересеклись интересы США, Китая, России, Индии, Ирана, Турции и Пакистана. Таким образом, возникает необходимость в исследовании политики Пакистана в отношении государств Центральной Азии в указанный период.

Одним из важнейших императивов процесса принятия внешнеполитических решений традиционно считаются национальные интересы. Вместе с тем конкретное содержание национальных интересов различается,

определяясь спецификой государств, и эволюционирует с течением времени [6, с. 88]. Под воздействием внутренних и внешних факторов начиная с 1999 г. происходят изменения в приоритетах Исламской республики Пакистан (ИРП) в Центрально-Азиатском регионе. Основным внутренним фактором изменения внешнеполитического курса ИРП в Центральной Азии (ЦА) стал государственный переворот 12 октября 1999 г. – к власти в стране пришли военные круги во главе с генералом П. Мушаррафом. Новое правительство взяло курс на восстановление экономики путем укрепления «старых» контактов с мировыми державами и трансформации внешней политики в ЦА соответственно с новыми потребностями государства. П. Мушарраф не раз подчеркивал, что Пакистан стремится удовлетворить растущие потребности в энергии как посредством эксплуатации местных ресурсов, так и за счет импорта из стран региона (природного газа из Катара, Ирана и Туркменистана и электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана): «Мы разрабатываем комплексную стратегию для поддержания высоких темпов экономического роста и надеемся получить достаточное количество газа к 2010 году из внешних источников» [7]. Эти установки обусловили трансформацию приоритетов ИРП в ЦА, основанную на энергетических интересах.

Изменения во внешнеполитическом курсе Пакистана были связаны и с новой политикой внутри страны. Правительство ИРП начиная с 1999 г. проводило борьбу с религиозным экстремизмом. Вводились запреты на деятельность партий и организаций, связанных с терроризмом, проводились аресты их руководителей. Были приняты меры по реформированию религиозных школ-медресе из «кузницы» кадров для исламистских радикалов в обычные учебные заведения. Ослабла поддержка сепаратистских организаций, действующих в Кашмире. По заявлению бывшего министра иностранных дел С. Азиза, «из каждых десяти моджахедов, которые здесь обучались воевать в Кашмире, туда отправлялся только один, а девять остаются в Пакистане и создают нам проблемы» [4, с. 26]. Осенью 2003 г. власти Пакистана вновь пошли на ужесточение политики в отношении джихадистов. В ноябре были запрещены все их новые организации. Запрет был впервые наложен и на пакистанский филиал «Хизб-ут-Тахрир». К числу запрещенных организаций добавились известные трастовые фонды, обеспечивавшие финансовую подпитку экстремистов [1]. 17 января 2004 г. П. Мушарраф, выступая перед обеими палатами парламента, призвал поддержать борьбу с терроризмом и объявил джихад экстремизму [5]. Положительная реакция со стороны правительств центральноазиатских государств на курс Пакистана в поддержку умеренного ислама позволила открыть новый этап в отношениях между сторонами с упором на двустороннее торгово-экономическое партнерство.

На изменение приоритетных направлений в политике Пакистана в ЦА повлиял и ряд внешних факторов. Основными из них были изменения отношений ИРП с США и КНР.

Новое качество пакистанский проект в отношении центральноазиатских стран приобретает с появлением в середине 1990-х гг. экономических интересов США в транзитных возможностях ИРП для транспортировки энергоресурсов из ЦА в южном направлении. Интересы американских энергетических компаний с 1996 г. получили поддержку со стороны американского государства, стремившегося исключить РФ и Иран из числа претендентов на энергоресурсы ЦА. Пользуясь совпадением американских интересов со своими целями в регионе, Пакистан стремился использовать экономическое и политическое влияние США для реализации своего центральноазиатского проекта. Стороны стремились решить вопрос транзита энергоресурсов через афганскую территорию за счет стабилизации положения путем создания марионеточного движения «Талибан» и его поддержки, но это не привело к нормализации положения в Афганистане и вызвало недоверие со стороны центральноазиатских государств, а также РФ и КНР [2]. Их озабоченность присутствием США в регионе на военно-политическом уровне проявилась в 1996 г. в создании «Шанхайской пятёрки» (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан). С провалом американской стратегии стабилизации Афганистана, в 1998 г. закрылся проект ТАР по транспортировке энергоресурсов из ЦА. В начале 1999 г. США выдвинули проект возрождения «Шелкового пути», который был нацелен на реализацию «западного» энергетического и транспортного коридора, связывающего страны ЦА и Кавказа с Турцией [11]. В 2005-2008 гг., с появлением проекта «Большая Южная Азия», ИРП восстанавливает роль транспортного звена в политике США в регионе, однако реализация проекта сталкивалась с препятствием в лице нестабильного Афганистана. Поэтому ИРП начала поиск новых партнеров в осуществлении центральноазиатских транспортно-энергетических проектов. Это стало благоприятным моментом для усиления влияния КНР на ИРП.

КНР посредством экономического проникновения в ЦА и Пакистан в период 1999-2008 гг. усиливала свои позиции. Китай предоставлял возможность реализовать пакистанский центральноазиатский курс через свою территорию, а также оказывал финансово-экономическую помощь Пакистану по реализации внутренних и внешних проектов, оказывая воздействие на выбор приоритетов для сотрудничества ИРП и стран ЦА.

Основным механизмом активизации внешней политики Пакистана по отношению к республикам ЦА являлось предоставление им доступа к морю через свои транспортные коммуникации. В январе 2005 г. президент П. Мушарраф подчеркнул: «Побережье Макрана имеет жизненно важное значение, особенно в свете усилий Пакистана по повышению экономических связей со странами Центральной Азии. Порт Гвадар будет способствовать внедрению услуг по перевозке грузов в эти страны, предоставляя специализированные, эффективные и рентабельные портовые сооружения. Объекты инфраструктуры, состоящие из дорожной линии, соединяющей Гвадар национальной автомагистралью, будут служить в качестве шлюза для торговли и выхода к морю стран Центральной Азии» [10].

С экономической точки зрения Пакистан, как и прежде, был заинтересован в наращивании экономических связей со странами региона. Важным фактором укрепления положения Пакистана в регионе являлось принятие его 5 июля 2005 г. в качестве наблюдателя в ШОС – организацию, представлявшую собой гигантский

трансконтинентальный механизм, связывающий западное и восточное крыло Евразии, в котором Пакистан планировал активно играть роль связующего звена. ИРП стремилась завершить постройку трубопровода из Туркменистана в Южную Азию через свою территорию. В Пакистане считали, что сложились благоприятные условия для развития сотрудничества с РФ и странами ЦА в транспортно-коммуникационной сфере через создание транспортных коридоров «Россия – Центральная Азия – Каракорумское шоссе – Пакистан» и развитие торговых отношений. Россия также выразила заинтересованность в транспортировке энергоресурсов в южном направлении. Все это повышало авторитет ИРП как регионального политического игрока. Усиливалось внешнеполитическое влияние Пакистана на страны ЦА. Стремление постсоветских республик региона уменьшить свою зависимость от российских транспортных коридоров побуждало их к созданию транспакистанских маршрутов. В свою очередь, изменение геополитического положения, связанное с расширением военно-стратегического присутствия США в Афганистане, рост экономической и военно-политической экспансии соседнего Китая стимулировали развитие межгосударственных связей ИРП с республиками ЦА, кроме того, способствовали увеличению внимания к Центрально-Азиатскому региону со стороны Индии.

Под воздействием внутренних и внешних факторов изменялись приоритеты ИРП в отношении государств Центрально-Азиатского региона. Первое место в центральноазиатском направлении политики Пакистана стали занимать Туркменистан и Казахстан, исходя из интенсивности контактов между странами на политическом уровне [8; 9]. Это было связано с заинтересованностью Пакистана в энергетических ресурсах этих государств, вследствие чего остальные виды торгово-экономических взаимоотношений занимали второстепенные позиции, что определило место Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана по активности политических контактов с ИРП.

Поворот Пакистана от признания талибского правительства в Афганистане к противодействию послужил поводом для государств ЦА к повышению доверительности во взаимоотношениях с ИРП, однако отношения с Узбекистаном по-прежнему были напряженными – это было связано с утверждениями со стороны Узбекистана о поддержке на территории Пакистана членов Исламского движения Узбекистана (ИДУ) [3, с. 12]. Подписание ряда соглашений по борьбе с терроризмом и взаимной выдаче лиц, причастных к террористической деятельности, не принесло потепления в пакистано-узбекистанские отношения. Узбекистан присоединяется к санкциям, введенным против Пакистана после проведения ядерных испытаний в 1998 г. и правительственного переворота в 1999 г. В результате переориентации целей внешней политики Пакистана на реализацию экономических интересов в других странах региона, Узбекистан становится страной «второго эшелона» в центральноазиатской политике ИРП наряду с Таджикистаном и Кыргызстаном.

Таким образом, Пакистан потенциально оставался перспективным экономическим партнером для государств ЦА, прежде всего для Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, в качестве потребителя углеводородных ресурсов. Но нестабильность в Афганистане выступала важнейшим фактором, препятствовавшим реализации проектов сотрудничества. При этом афганская стратегия Пакистана оказалась ошибочной: центральноазиатские элиты считали «Талибан» основной угрозой собственной безопасности, а поддерживавший его Пакистан, соответственно, воспринимали как скрытого противника. В политике Пакистана в отношении государств ЦА существенную роль играли стратегические соображения, связанные с давним конфликтом с Индией. В его рамках культурно-исторические аспекты были неразрывно связаны с военными, и данный регион рассматривался как фактор обеспечения «стратегической глубины» ИРП. Поэтому у Пакистана, несмотря на явный недостаток ресурсов, имелся свой проект для ЦА. Этот проект начал формироваться с момента обретения независимости центральноазиатскими странами и менялся по содержанию, во многом находясь в зависимости от внешних факторов. В связи с обострением отношений с США из-за разработки ядерного оружия и последующих экономических санкций против ИРП пакистанская сторона лишилась американской экономической и политической поддержки. Союзнические отношения с КНР в этот период основывались на обоюдном противостоянии Индии. РФ, унаследовавшая от СССР базу по сотрудничеству с Индией, изначально считала ЦА зоной своих интересов и конкурировала с ИРП в этом регионе. Арабские государства не были заинтересованы в политико-экономической поддержке внешних проектов Пакистана. В этой ситуации ИРП первоначально избрала «исламский фактор» как основу для реализации курса в отношении центральноазиатских государств. Однако республики ЦА первоначально ориентировались на развитие торгово-экономических и энергетических отношений.

В условиях формирования нового уровня партнерских отношений Пакистана с Китаем происходила трансформация центральноазиатского проекта ИРП, который начал ориентироваться на китайские интересы в ЦА. Китай и Пакистан объединяло стремление использовать энергетический потенциал региона. В связи с этим перед ИРП встала задача заинтересовать КНР в обеспечении поставок энергоресурсов в Пакистан. Этому способствовало ослабление позиций США во влиянии на эти государства, что привело к усилению в них экономического присутствия КНР. Еще одним фактором усиления позиций КНР и, следовательно, Пакистана в ЦА стал компромисс по согласованию интересов КНР и РФ в регионе, формализовавшийся в рамках ШОС.

В этих условиях США взяли курс на создание ситуации «управляемого хаоса» в Афганистане для недопущения осуществления проектов вне американских интересов через эту территорию. При этом они препятствовали и реализации транспортных проектов с участием Ирана. Попытка возвращения США в качестве стратегического союзника ИРП в регионе была связана с проектом «Большая Южная Азия», разработанным в 2005 г. и предполагавшим реализацию транспортировки энергоресурсов из ЦА в южном направлении через Афганистан. Однако этот проект нашел лишь частичную поддержку на политическом уровне в Пакистане. Это было связано с китайскими экономическими и политическими интересами в ИРП.

В 1999-2008 гг. Пакистан проводил сдержанную центральноазиатскую политику, стремясь сохранить возможности дальнейшего влияния на ход событий в регионе. По сравнению с серединой 1990-х годов, когда в центре внимания были вопросы экономического сотрудничества, в последующий период проблема безопасности становится одним из ключевых направлений в отношениях Пакистана со странами ЦА.

Список литературы

1. **Белокреницкий В. Я.** Политический ислам в Пакистане и его воздействие на Центральную Азию // Ближний Восток и современность. 2004. Вып. 21. С. 215-227.
2. **Крижко Є. В.** США як фактор зовнішньої політики Пакистану у 1990-2008 рр. // Актуальні проблеми міжнародних відносин. 2012. Вип. 107. № 2. С. 110-117.
3. **Крыжко Е. В.** Основные приоритеты внешней политики Узбекистана // Наука третьего тысячелетия: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х ч. / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа, 2016. Ч. 3. С. 11-16.
4. **Москаленко В. Н.** Исламский радикализм набирает силу // Азия и Африка сегодня. 2003. № 6. С. 24-29.
5. **Москаленко В. Н., Мелехина Н. В.** Политическая обстановка в Пакистане в период правления Первеза Мушаррафа // Ближний Восток и современность. 2004. Вып. 21. С. 239-253.
6. **Пашковский П. И.** К вопросу о факторах принятия внешнеполитических решений // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. Т. 3. № 11. С. 88-90.
7. **Effective Plan to Meet Energy Needs: Musharraf Opens Gas Project** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dawn.com/news/146932/effective-plan-to-meet-energy-needs-musharraf-opens-gas-project> (дата обращения: 12.02.2016).
8. **Ministry of Foreign Affairs Government of Pakistan** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.gov.pk/> (дата обращения: 12.02.2016).
9. **Pakistan and Central Asian States (1992-2006)** / ed. by Noor ul Haq. Islamabad: Islamabad Policy Research Institute, 2006. 97 p.
10. **President at Ground Breaking Ceremony of Gwadar Deep-Sea Port** [Электронный ресурс]. URL: <https://presidentmusharraf.wordpress.com/2005/01/24/musharraf-ground-breaking-gwadar/> (дата обращения: 12.02.2016).
11. **Text of the Silk Road Strategy Act of 1999** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152/text> (дата обращения: 12.02.2016).

**PRIORITY DIRECTIONS OF FOREIGN POLICY COURSE
OF PAKISTAN TOWARDS CENTRAL ASIA STATES IN 1999-2008**

Kryzhko Evgenii Vladimirovich, Ph. D. in History
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
jeyson1030@gmail.com

The article is devoted to the study of the process of the transformation of priority directions in the policy of Pakistan in relation to Central Asia states, which took place in 1999-2008 under the influence of a number of internal and external factors. As a result of the research the priorities in the regional policy of Pakistan in the period under consideration are determined, and also the main conditions of the formation of the foreign policy course of Pakistan towards Central Asia states are highlighted. Turkmenistan and Kazakhstan began to take the first place in the Central Asian direction of Pakistan policy from 1999 to 2008. Uzbekistan along with Tajikistan and Kyrgyzstan took the place of the "second echelon" in the foreign policy strategy of Pakistan.

Key words and phrases: Pakistan; Central Asia; The USA; The People's Republic of China; The Russian Federation; foreign policy.

УДК 316:619

Философские науки

Статья посвящена культурному наследию и роли субъекта – человека – в его судьбе. Затронут лишь один из периодов революционных преобразований в России, ведущий за собой коренную смену ценностных парадигм. Культурное наследие понимается как антропо-социо-культурная система, которая подвержена трансформациям в связи с деятельностью субъекта наследия. Данные трансформации имеют как позитивное, так и негативное влияние на систему наследия.

Ключевые слова и фразы: культурное наследие; ценность; субъект наследия; антропо-социо-культурная система; культура; информация.

Лебедева Анна Алексеевна, к. филос. н., доцент
Тюменский государственный институт культуры
mazencova@mail.ru

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК КУЛЬТУРОФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ: ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ ЦЕННОСТИ**

Изучение культурного наследия как категории культурологической продолжает оставаться актуальным для исследователей. Находясь в поле междисциплинарной интеграции, наследие преломляется и предстает перед аналитиками и практиками как антропо-социо-культурная дефиниция.